

ИРИНА ВАГАНОВА

Наследница
ДОСТОЙНЫХ

16+

Ирина Ваганова
Наследница достойных

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ваганова И.

Наследница достойных / И. Ваганова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Привычный мир рухнул: Аделия Далеор потеряла семью. Выросшей в атмосфере любви девушке придётся привыкать, что люди вокруг не так привлекательны, как она всегда считала. Но главной трудностью становится новый статус Аделии. Она наследница достойных, и каждый, от простолюдина до короля, хочет получить её в своё полное распоряжение. Обложка создана автором.

Содержание

Глава 1. Заточение	5
Глава 2. Домой	13
Глава 3. В путь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Заточение

Я тревожила давящую тишину стуком каблучков, расхаживая по комнате. Перебирала в уме варианты побега. Остановилась около окна, подняла взгляд к затянутому серой пеленой клочку неба. Окаймлявшие его верхушки осин покачивал упорный ветер, молодые листочки трепыхались, словно посылали тайные сигналы кому-то далёкому и всемогущему. Дождь соби­рался ещё вчера, но так и не собрался, а сегодня дело наверняка окончится ливнем. Погода не для пеших прогулок. Однако я не сомневалась, что придётся выбраться из ловушки и совер­шить дальний поход.

Повернулась, оперлась на подоконник ладонями, осмотрела то, что в самое ближай­шее время покину: натёртый до блеска паркет, забитый лёгкими романами книжный шкаф, кушетка – можно прилечь, укрыться мягким пледом и читать... Тепло. Чисто. Тихо. Надое­ло! Всмотрелась в стекло дверцы шкафа, отражавшее вцепившуюся в подоконник невысокую свет­ловолосую девушку в костюме из тонкой шерсти: юбка до середины голени, рукава пиджачка укорочены, по краю выглядывает кружево белой блузки. Как хочется влезть в домашнее фла­нелевое платьишко! Но я даже не брала его с собой – в гостях следует одеваться элегантно. Вздохнула, оттолкнулась от подоконника и снова стала вышагивать по кругу, старательно избе­гая выложенных на паркете символов графства Боннт. Можно целыми днями щеголять в мягкой пижаме нечёсаной и неумытой – никто меня здесь не видит. Вместо знакомства с потенциа­льным женихом попала в заточение.

Первые после приезда дни радовалась одиночеству. Дома такой роскоши просто не могло быть. Где бы я ни уединилась, одна из шести сестёр обязательно раскроет убежище. Самая младшая только научилась ходить и пока не доставала меня, довольствуясь мамой и няней. Но по опыту я знала: недолго ждать момента, когда крошка Лу по прозвищу «последняя попытка» переключится на старшую сестру. На свою беду я умела придумывать игры и развлечения для младших, и все семеро хорошо это усвоили.

Теперь в моём распоряжении четыре комнаты уютного флигеля и цветник с крошеч­ным фонтаном. Поначалу я мысленно благодарила графа за то, что он не спешит представ­лять меня сыну – встреча с незнакомым молодым человеком пугала. Пусть это ни к чему не обязывающая формальность, и я твёрдо настроилась отказать от обручения, но как сделать это деликатно? Приличия требовали хотя бы изобразить раздумья. Однако ожидание затяги­валось. Через неделю отшельничества меня одолела жесточайшая тоска: я скучала по родите­лям, сёстрам, нашему славному замку, окружённому величественными горами. За свои семна­дцать с половиной лет я нигде так подолгу не гостила, тем более одна. Непрошенные подозрения заворочались в душе – меня, старшую дочь герцога Далёора, хитростью выманили из дома и оставили в заложниках. Но зачем? Если Боннты не прочат меня в жёны единственному сыну, на что я им?

Глупой меня никогда не считали, но сейчас я сама сомневалась в том, что способна нор­мально рассуждать. Нелогичность происходящего и полная беспомощность превратили мысли в хаос вопросов и восклицаний.

Письма домой остались без ответа. По самым грубым расчётам должно было прийти уже два или три. Горничная сжигает мои послания в камине вместо того, чтобы относить на почту? В этом случае родные, обеспокоенные молчанием, пришлют гонца за разъяснениями. Вряд ли граф захочет ссориться с двоюродным братом короля. Здесь что-то другое. Что же?

Покидая дом, я рассчитывала посмотреть, как живут на равнине, и отдохнуть от суеты. С первым не очень-то получилось, зато со вторым – явный перебор. Почти месяц не вижу никого, кроме бессловесной служанки.

Стоило вспомнить старуху – она тут как тут! Высохшая, словно таранка, пучеглазая Фани Туут просочилась в комнату. Зная свой недостаток, она всегда смотрела в пол, но вид имела надменный. Во всяком случае, в моём обществе.

Я не смогла удержаться от вопроса:

– Граф прислал за мной?

Старуха едва заметно покачала головой, на сморщенном лице промелькнула тень брезгливости. Похоже, я у неё вызывала ничуть не больше симпатии, чем она у меня.

– Я собираюсь на почту, – сказала она сухо. – Нет ли писем, леди Аделия?

Старушечий голос напоминал неисправный патефон, и я всегда вздрагивала при первых звуках.

– Сейчас! – метнулась к конторке, достала из ящика письмо, проверила, надёжно ли оно запечатано, и протянула служанке. – На моё имя ничего не приходило?

Фани, не удостоив меня ответом, выскользнула за дверь.

После ухода служанки я запаниковала. Куда старуха относит письма? Что если Фани собирает подруг и читает мои послания, сопровождая каждую строку едкими пояснениями? Ничего предосудительного письма не содержали: я сообщала, что до сих пор не видела жениха, что страшно соскучилась по дому, передавала приветы и поцелуи сестрёнкам. Опасаться огласки не стоило, но всё-таки было неприятно думать, что кто-то чужой копается в моих чувствах.

Никогда бы не заподозрила в некрасивых поступках слуг в нашем доме, все они были удивительно милыми, обожали хозяев и особенно их дочерей, но унылые часы, проведённые за чтением второсортных романов, посеяли во мне сомнения в людском благородстве. Парочка-тройка персонажей, как правило, оказывалась совершенными подлецами, и среди слуг таковых было не меньше, чем среди господ.

Разволновавшись, я решила развеяться. Надо подышать, пока дождь не зарядил. Обулась в массивные ботинки с высокой шнуровкой – именно в них я намеревалась бежать отсюда, но эту пару мне купили недавно, и лучше будет, если ноги привыкнут.

Ветер набирал силу. Я замерла на крыльце, размышляя, не вернуться ли за накидкой. Не стала. Огороженный высоким забором участок можно обойти минут за десять, так что даже из дальнего уголка в случае внезапной перемены погоды добегу, не слишком промокнув. Гравий дорожек хрустел, напоминая о горных тропах, где я частенько бродила. Как же любили мы с Лотой, Вантой и Зои собирать эдельвейсы! На высоте температура на два-три градуса ниже, мы одевались в беличьи душегрейки, но рукам было холодно держать корзину – ношу таскала я, а сестрёнки скакали по утёсу подобно горным козочкам. Видели бы родители эти кульбиты!

Лента воспоминаний прервалась. Я уткнулась в кованую решётку. Между прутьями не пролезть. Они шли в два ряда с отступом на полчетверти, а вверху оканчивались вензелем: между распахнутых крыльев – меч. Изображения летающего оружия постоянно попадались на глаза и с некоторых пор вызывали у меня всплеск раздражения. Графу стоило сделать символом дома засов с амбарным замком! Поднялась на носочки, пытаюсь ухватиться за верхнюю планку. Можно подтянуться и попробовать перелезть. Увы, с прошлого раза я ничуть не подросла. Быть может, притащить из дома стул и попробовать с него? Лучше сделать это перед рассветом, чтобы кто-нибудь, гуляя по парку, не наткнулся на леди, штурмующую забор. Вряд ли это будет выглядеть эстетично, особенно если учесть, что удобной для этого одежды в дорожном сундуке не имелось. Я с досадой ударила кулаком по кирпичному столбу, держащему решётку – вот глупая, почему не захватила костюм для верховой езды?!

Лошадей побаивалась – свалилась с пони в пятилетнем возрасте. Конных прогулок совершать не хотела, охоту в нашем семействе не любили. Кроме того, я не планировала злоупотреблять гостеприимством графа. По моим прикидкам вполне хватило бы недели для знакомства, парочки семейных и торжественных вечеров в мою честь. Не сомневаюсь, что соседи и друзья

Боннатов проявили бы интерес к визиту леди Далеор, узнай они о таковом. Однако представить себе, что бальные наряды не пригодятся, а вместо них лучше взять мужской, я не могла, даже включив фантазию.

Пройдя вдоль забора, услышала бубнение: довольно низкий мужской голос напевал, перевирая мотив застольной песни. Я подкралась к зарослям сирени, отделявшим меня от исполнителя, и аккуратно раздвинула ветви. Тщедушный мужичонка возился с колесом тачки, груженной садовым инвентарём. Второй житель графской усадьбы, которого довелось увидеть. Отмахнулась от мысли выйти и поздороваться – надо выяснить, как мужчина попал в цветник. Что если калитка не заперта?

Да, она была приоткрыта! На металлической перекладине висел замок, из скважины торчал ключ со связкой с десятком других на кольце. Путь свободен! Я хватала ртом воздух. Что делать? Бежать через парк, найти дом и объявиться пред светлыми очами хозяев? Мол, вы случаем не позабыли про скучающую во флигеле девушку?

Нет! И дело не в том, что садовнику наверняка влетит за оплошность. Хотя и это тоже. Дни, когда я ждала встречи с графом, миновали. Изначально не собиралась замуж за виконта, так к чему это свидание? Всё что мне нужно – попасть поскорее домой.

Ах, почему не набросила дождевик? Отправляться в путь налегке весьма неразумно. Прежде я мучилась лишь тем, как выбраться за ограду, не задумываясь о предстоящей дороге. Теперь же перспектива плестись до ближайшей деревни под проливным дождём несколько напугала. Машинально проверив кошель, притороченный к поясу, я покачала головой. Деньги есть, я смогу нанять экипаж, оплатить ночлег и ужин, но до этого придётся топтать едва ли не целый день – поместье графа, как я успела заметить, стоит на отшибе. Сбежать за вещами? Я прислушалась. Садовник продолжал выпрашивать у песенной Бетси стакан грогу. Как долго он задержится здесь? Могу не успеть. Скорее всего, не успею. Надо уходить сейчас! Я взялась за холодный прут калитки и потянула, пугаясь тихого скрипа, но замерла.

Знаю, что нужно делать!

Бережно вытащила ключ из скважины, отцепила от общего кольца и зажала в кулаке. Остальные, стараясь не звякнуть ими, положила на траву. Всея дрожащей от страха душой надеялась, что мужичонка не заметит пропажи, ведь защёлкнуть замок можно и так.

Песня стала приближаться. Я услышала, как погромыхивают в тачке лопаты и тяпки. Шмыгнула в сторону и притаилась за кустом жасмина.

«...Бездельник, кто с нами не пьё-о-о-от...» – тянул хрипловатый басок, сопровождаемый шорохом гальки под колесом и подошвами. Вот звякнул и стукнул инвентарь в остановленной тачке, послышалось задумчивое мычание и кряхтение – вероятно, садовник наклонился в поисках ключей. Выглянуть я боялась, попятилась, прижимая руку с добычей к груди. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из грудной клетки и упорхнуть. Я не сомневалась, что не будь рёбра так надёжны, распрощалась бы с жизненно важным органом.

– А! Вот вы где, озорники! – обрадовано воскликнул мужчина и снова запел: «Кто врёт, что мы, брат, пьяны...»

Я вслушивалась, не веря удаче. Щёлкнул замок, загремели подсакивавшие на камнях лопаты, песня стала удаляться. Я кинулась к флигелю. Голова работала на удивление ясно – важно следить, чтобы Фани не застучала меня. Покидать поместье я решила ночью – так смогу уйти как можно дальше до того, как моё исчезновение обнаружат.

Отдельно сложила то, в чём отправлюсь: не стесняющее движений дорожное платье из прочной немаркой, хорошо сохраняющей тепло ткани, кардиган с большими накладными карманами – в них можно будет спрятать пистолет. Я достала оружие со дна дорожного сундука. Как хорошо, что не оставила дома папин подарок! Небольшой – «дамский» – капсюльный револьвер, конечно, тяжеловат. Помню, как ныли мышцы рук, когда я училась стрелять. Но с ним спокойнее, всё-таки одинокая путешествующая леди слишком привлекательна для недоб-

рых людей. В том, что мир населён таковыми, я успела убедиться благодаря любезно предоставленной графом бульварной литературе.

Самое время повздыхать о своей наивности, о романтическом восприятии мира, теперь утраченном, но придётся оставить сожаления на потом. Слишком многое надо успеть.

Из пиджачка задумала соорудить котомку – вот где пригодились принадлежности для вышивки! Помнится, обнаружив их, я рассмеялась: что за ретроградные взгляды у хозяев? Ушли в прошлое времена, кода единственным достойным занятием для юной леди считалось рукоделье. Сейчас я мысленно благодарила того, кто догадался оставить здесь иголки, нитки, пяльцы и ножницы. Сшила края рукавов между собой так, что получилась широкая ляпка, стачала нижний край пиджака. Застегнула пуговицы кроме двух верхних и стала наполнять полученный мешок. Брала в дорогу только необходимое. Остальные вещи сложу в сундук в надежде, что граф отправит их в наш замок следом за несостоявшейся невесткой.

Близилось время ужина, о чём не постеснялся сообщить заскучавший желудок. Я привыкла к распорядку и угадывала время прихода Фани минут за десять-пятнадцать. Выглянула в окно, убедившись, что шум льющей воды не был галлюцинацией – небо, наконец, лопнуло, выплеснув на парк, цветник и флигель целое озеро. В такую погоду особенно хорошо находиться в тёплом помещении, отгороженном от стихии толстыми стенами и двойными стёклами. Я невольно пожалела служанку, вынужденную шлёпать по залитым лужами дорожкам. Но это не моя вина! Это граф не захотел поселить приехавшую на смотрины леди в главном здании. Я тряхнула головой, прогоняя тысячу раз передуманные мысли – сейчас надо навести порядок, не хочется давать Фани повод для подозрений. Спрятала всё, что приготовила для побега, остальные вещи сложила в сундук, швейные принадлежности убрала на место, расправила сбитые покрывала на кровати и креслах. Перешла в гостиную и только тут заметила на кушетке забытую книгу – подарок няни. Она дала мне в дорогу довольно потрёпанный том, сопроводив наказом: всегда держать при себе, ведь я еду в нехорошее место, и святая книга должна меня хранить. Надо признаться, что я не особенно вслушивалась в слова мудрой женщины – слишком меня увлекало предстоящее путешествие. Подумать только – Боннты везли меня на авто!

Надо было срочно отнести книгу в сундук, но я услышала шаги – Фани вот-вот войдёт сюда. Не очень-то хорошо будет, если старуха застанет меня мечущейся по комнатам. Я села на кушетку и раскрыла книгу. Даже успела прочесть несколько строк.

Служанка без церемоний распахнула дверь и втащила объёмную кожаную сумку. Тяжело топая и громко шмыгая носом, двинулась в столовую. Я не смотрела на Фани, но не сомневалась, что та, даже не поднимая век, зафиксировала и мой вид, и моё положение, и всё остальное. Пока старуха выкладывала кушанья из утепленного войлоком короба и сервировала стол, я продолжала читать.

«...раскалённый меч рассечёт небеса, земля содрогнётся, и мир разделится надвое. Достойные уйдут, оставив наследницу, и с ними уйдёт представитель иных...»

Глаза снова и снова пробежали по непонятной строке, а я вспоминала день приезда в графское поместье...

Мы выехали затемно и двигались без остановок, ведь автомобилю не нужен отдых, как лошадям. Я сидела рядом с графом, он управлял машиной, графиня полулежала на заднем диване – она нехорошо себя чувствовала. На закате, проезжая по дороге, пересекавшей поле с изумрудно-зелёной яровой пшеницей, мы увидели поросший старыми деревьями пригорок, едва заметные среди верхушек остроконечные крыши башен главного здания. Чуть позже, уже в темноте, я различила въездные ворота. В тот самый момент, когда автомобиль миновал

их, яркая бесшумная вспышка разрезала небо. Это не походило ни на молнию, ни на зарницу. Незнакомое явление. Я спросила графа, что это. Он не успел ответить, потому что земля стала колебаться. Графиня пронзительно закричала, от неожиданности я прикрыла уши ладонями. Всё успокоилось через минуту. Небо, как и прежде, стало иссиня-чёрным и засверкало мелким бисером звёзд...

Звон от постукивания ложечкой по графину заставил меня очнуться. Фани предпочитала общаться такими знаками. Можно подумать, что за каждое лишнее слово из её жалования вычитают существенную сумму.

Во время трапезы я присматривалась к пряникам, лежавшим на плетёном блюде – хорошо бы прихватить их в дорогу. Обычно старуха приносила столько съестного, будто кормила здорового великана, я не съедала и четверти, но Фани забирала всё, что оставалось, с собой. Заметив, как я поддвигаю блюдо к себе, она сверкнула рыбьими глазами и хрипло поинтересовалась:

– Что вы задумали, леди Аделия?

Этим вопросом она словно пригвоздила меня к стулу. Я с трудом подавила волнение и старалась говорить беззаботно:

– По вечерам здесь так тоскливо, надеюсь, сладкое меня утешит.

– Ещё не хватало тараканов разводите! – нахмурилась старуха, вытягивая из моих рук поблёскивающее глазированными боками лакомство и пряча в сумку, куда уже успели перекочевать остальные «объедки».

– Но я не буду крошить, – слабо возразила я.

Фани взглянула так, словно я и есть огромная беременная тараканиха, что вот-вот произведёт на свет сотню усатых рыжих отпрысков. Желание спорить пропало. Уж лучше провести полдня, мучаясь от голода, чем дать старухе повод для размышлений. Я скупно поблагодарила за ужин и демонстративно уселась читать. Служанку мой надутый вид несколько не тронул, она утащила сумку с коробом, набитым провизией, повозилась у выхода, закутываясь в плащ и бурча ругательства в адрес погоды, скрылась в мареве сгущавшихся сумерек.

Я ещё несколько раз перечитала фразу о разрезающем небо огненном мече, о разделении мира, таинственных достойных, загадочных иных и отложила книгу.

Отец учил меня не верить плохим знакам, искать только добрые – тогда и судьба будет благосклонней. Мой новый опыт дал другой урок: землетрясение и диковинный всполох, сопровождавший приезд в поместье графа Боннт, выглядели дурным знаком, хочу я этого или нет.

После ужина я переоделась в дорогу. Чуть поразмыслив, сунула домашние туфли в котомку. Мне придётся ночь, а то и две провести в гостинице или трактире, наверняка захочу отдохнуть от тяжёлых ботинок. Книгу вернула в сундук, мысленно извинившись перед няней, пообещала ей, что когда пришлют мои вещи, обязательно прочту святые тексты от первой до последней строки. Поверх книги положила записку:

«Уважаемые граф, графиня, виконт, вынуждена покинуть ваш гостеприимный дом и вернуться в замок по весьма срочным делам. Прошу извинить за то, что ушла, не прощаясь.

Аделия

p.s. Сундук прошу переслать с почтовой каретой»

Ну вот и всё. Я выглянула в окно. Дождь перестал, но с ветвей ещё капало. Тучи, истощившись, стали прозрачными, кое-где просвечивало темнеющее небо. Вряд ли Боннты улеглись спать. Вполне возможно, что кто-то из них совершает моцион, прохаживаясь по парку. Лучше будет, если я немного полежу, а флигель покину после заката.

Не разуваясь, растянулась на кушетке и закрыла глаза. Мысли мои были уже далеко, задремав, увидела тонкий сон: маму с крошкой Лу на руках, няню с грудным младенцем, запе-

лёнатым в старенькое каньеовое одеялко, выстроившихся как для парадного портрета сестёр. Где же папа? Он подбежал и встал позади мамы. Все как по команде улыбнулись.

Я успела подумать, что здесь не хватает меня, и хотела рвануться к ним с криком «Подождите, я тоже хочу фотографироваться!», Но ослепительная вспышка испугала меня, тут же всё заходило ходуном, мои родные, цепляясь друг за друга, пытались устоять на ногах, но пол опускался, стены складывались, потолок рушился...

Проснулась от собственного вопля.

Я не рассчитывала, что ходить по незнакомому парку ночью будет легко, но трудности превзошли мои представления. Выйти за калитку, запереть, спрятать ключ в траве в расчёте на то, что садовник, обнаружив пропажу, догадается пошарить там, и пойти по главной аллее в дальний угол, где, как я видела на подъезде к поместью, имеется спуск к веренице прудов – таким был мой план. Я надеялась преодолеть этот участок минут за пятнадцать. Возможно, так и было бы при свете дня. Но когда тебе словно завязали глаза и никто, как в игре в жмурки, не звенит в колокольчик, не покрикивает и не хлопает в ладоши, чтобы подсказать направление, двигаться почти невозможно. Повезло ещё, что небо совершенно очистилось. Огромная, похожая на только что вымытое фарфоровое блюдо луна светила изо всех сил, но тени высоких деревьев создавали такую непроглядную тьму, что смотреть под ноги и по сторонам было совершенно бессмысленно. Я шла на ощупь. Направление держала по звёздной полоске неба, разделявшей черноту крон – благодаря этому удавалось не сходить с выложенной плитами дорожки на мокрую траву. Однако невидимые ветви то и дело хлестали меня по лицу, орошая ледяной влагой. Наброшенный на плечи дождевик спасал спрятанную под него котомку и платье, но подол вымок и отяжелел. Попадавшие на пути бугорки и выбоины тоже доставляли неприятности. Я не подвернула ногу в самом начале дороги только благодаря высоким плотно зашнурованным ботинкам. К тому времени, когда деревья расступились, открывая вид на залитые лунным светом и подёрнутые туманной дымкой бесконечные поля, я превратилась в уставшую, почти безвольную и чуть не плачущую от злости на себя ворчунью.

Незачем было строить из себя гордую дочь гор! Чем пускаться в безнадёжную авантюру, лучше бы зашла в графский дом и потребовала карету и сопровождение. Боннты не посмели бы отказать! В ту минуту я верила, что не посмели бы, хотя дни вынужденного затвора убеждали в обратном.

К узкой плотине между прудами вели белые, словно припорошенные снегом ступени. Эффект этот возникал из-за вкраплений кварцевой пыли в песчаник, из которого их вытесали. Немного постояв на верхней площадке, я успокоилась. Дышавший спокойствием и сонной негой простор внушал благоговение. Хотелось любоваться им, не тревожась ни о чём. Однако идиллию нарушил резкий писк молодого сапсана, усевшегося на ветвь ближайшего дерева. Был он жалобным и надоедливым.

– Ладно-ладно, – сказала я, отстраняясь от широких перилл, на которые до этого облокотилась, – сама знаю, что надо идти.

Спускаясь, я почувствовала тянувшуюся с низины прохладу. Мокрая юбка липла к ногам, от чего становилось холоднее. Ничего страшного, просто надо идти быстрее – движение согревает. Сияющая, словно начищенная до блеска, луна, несомненно, была добрым знаком. Жутко даже представить, как бы я пробиралась по плотине, а потом и полями, не будь у меня благодетельной небесной спутницы.

Оставив за спиной пруды, я озаботилась выбором направления. Передо мной расстилось ровное, как характер моей сестры Лоты, пространство. Почему я вспомнила о ней, обычно державшейся в стороне от остальных? Лота единственная, кто просил меня не уезжать с Боннтами. И если Ванта и Зои – остальные слишком малы – откровенно завидовали моему путешествию, Лота украдкой смахивала слёзы.

Задрав голову, я отыскала северную звезду и пошагала вправо от неё. Мой путь лежал на восток. Утром я буду двигаться навстречу солнцу, в полдень должна упереться в реку. Она берёт начало на вершинах и мимо нашего замка несётся стремительным, но неглубоким потоком, на равнине вбирает в себя воду многочисленных притоков и становится судоходной. Пройду берегом до ближайшего селения и там смогу переночевать, а уже на следующее утро увижу горы.

По счастью в нужном мне направлении нашлась исхоженная тропа. Идти по ней было легко и приятно. Я не спешила. Тут главное – не утомиться, ведь отдохнуть я смогу лишь после того, как утреннее солнышко подсушит траву. Чтобы скрасить долгий путь, мысленно беседовала с отцом. Даже спорила. В тот день, когда мне сообщили о сватовстве, я растерялась и не возражала. О-о, сейчас бы я нашла нужные доводы против!

На приезд Бонитов в наш замок никто бы не обратил внимания, если б не автомобиль. Отца частенько беспокоили деловые партнёры – договаривались о поставках шерстяных тканей и пряжи. Детей в это не посвящали. Возможно, будь кто-нибудь из нас парнем, отец готовил бы преемника, но по женской линии ни земли, ни другое имущество не передавалось. Невиданное чудо, оказавшееся во дворе, собрало вокруг себя целую толпу ребятишек. Вокруг авто вились не только мои сёстры, но и дети работников. Те, кто посмелее, даже забрались в машину – тент был опущен. Один из проказников надавил на клаксон, резкий гудок напугал, и все прыснули в стороны, словно просыпавшиеся из мешка горошины.

Мне как взрослой девушке это было не к лицу, но тогда я ещё не видела себя будущей женой и матерью. Мечты о собственной семье казались преждевременными – слишком хорошо жилось с мамой, папой и сёстрами.

Получив приглашение на беседу в отцовский кабинет, я не сомневалась, что меня пожурят за неподобающее поведение, и готовила оправдания – привыкла отвечать не только за себя, но и за младших. Папа не был слишком строг, но огорчать его не хотелось, поэтому я состроила виноватую рожицу и надеялась, что разговор, как обычно, завершится объятьями и поцелуями.

Около кабинета меня встретила мама. Обычно она занималась младшими, поэтому её присутствие удивило.

– С кем крошка Лу? – я огляделась.

Мама не ответила, обняла и едва заметно всхлипнула. Неужели всё настолько серьёзно, что она решила поддержать меня в разговоре с отцом? Я оторопела, стараясь припомнить, не повредили мы часом автомобиль гостя? Никакого видимого ущерба наша ватага не нанесла. Так что же нам предъявляют?

Порог мы перешагнули в обнимку, но в комнате мама прошла вперёд и встала за спиной отца. Холодок пробежал по спине – они вдвоём станут меня отчитывать?

– Сядьте обе, – в отцовском голосе чувствовалось непривычное напряжение.

Я послушно заняла стул, стоявший около стены – хотелось смотреть в окно, избегая чересчур серьёзных лиц родителей. Они говорили по очереди. Я молчала. Уж лучше бы меня ругали. Минут пятнадцать мама и папа убеждали принять приглашение Бонитов и познакомиться с их сыном. Я готова была спорить на что угодно: они, скорее, уговаривали друг друга, чем меня.

– Что скажешь, Аделия? – спросил отец, когда моё угрюмое сопение, наконец, заметили. Я облизала сухие губы, вздохнула и попробовала возразить:

– Вы обещали, что до восемнадцати лет никаких женихов не будет. И потом, его величество приглашал...

– Кузен знает о сватовстве, – перебил отец. – Он будет рад, если всё получится.

Мама не смогла усидеть, порывисто встала и прошлась по комнате, массируя виски пальцами.

– Любимый, – она обернулась к мужу, – уверена, что Деля должна узнать всю правду.

– Со временем, – хмуро отреагировал отец. Они никогда не спорили при нас, я напряжённо выпрямилась, боясь упустить хоть слово. После паузы уже более миролюбиво отец пояснил: – Аделия, ты не обязана соглашаться на обручение. Съездишь, развеешься и вернёшься.

– Но зачем?

Я не видела ни малейших резонов. Кроме того, прежний план с посещением столицы и знакомство с десятком лучших женихов страны устраивал меня куда больше, чем частная встреча с неведомым виконтом.

– Это условие графа, доченька, – не выдержала мама. Она успела вернуться к мужу и примирительно положила ладонь ему на плечо. – Деля уже взрослая девочка, любимый, она всё поймёт.

Он погладил её пальцы и посмотрел снизу вверх обожающим взглядом.

Как я мечтала прожить двадцать лет в браке, сохранить и даже приумножить взаимную любовь! Это возможно, ведь у моих родителей получилось!

Рассказ о причинах, из-за которых мама с папой согласились на мой брак с виконтом Боннт, ввёл меня в ступор. Граф и графиня передали своего новорожденного сына нашей семье. Это должно остаться в тайне. Всем объявят, что супруги Далер после восьми неудачных попыток родили наследника.

– Ты же понимаешь, Деля, – чуть не плача говорила мама, – в каком мы положении? Отец не вечен. Ты, конечно, успеешь выйти замуж, Лота, Ванта и Зои, скорее всего, тоже. Но младшие! Кто из ваших мужей согласится взять на себя такую обузу?

Отец остановил её причитания, нежно похлопав по руке, и поставил точку в разговоре:

– У твоих младших сестёр и матери будет защитник даже после моей кончины, Аделия. Думаю, поездка на авто в графское поместье небольшая плата за это.

– Правильно понимаю, – уточнила я, – если между мной и виконтом не возникнет взаимной симпатии, обручение не состоится?

– Правильно, – улыбнулась мама, – это наше требование. Граф его поддержал.

Могла ли я спорить?

К слову, я тогда не улавливала замысел Боннтов, а теперь, просидев месяц под замком, вообще засомневалась в их адекватности. Ну ничего! Всё осталось позади. Через два дня буду в родном замке, перецелую сестёр, крепко обниму отца, погляжу с братишкой.

Горизонт порозовел. Скоро станет совсем светло. Шагало всё веселей!

Глава 2. Домой

С погодой повезло: солнце стыдливо прикрылось полупрозрачной фатой облачков, ветерок освежал, но не пронизывал до костей. Идти было хорошо. Порой путь преграждали прозрачные, напевавшие свежую песенку ручьи. Одни я перепрыгивала, через другие перебиралась по камням или брёвнам, но из каждого пила приятную на вкус воду. Это помогало немного приглушить голод, но всё же к полудню я ни о чём другом, как о еде, думать не могла. Мне представлялись то вчерашние пряники, которых пожалела для меня Фани Туут, то зажаренная баранья ножка, что подавали к празднику в родном замке, то печёная картошка. Было бы весело посидеть у костра где-нибудь на заднем дворе, пряча глаза от едкого дыма, а потом, обжигаясь, дуть на испачканные в саже пальцы и слушать страшные истории, рассказываемые нашими тайными друзьями из работников.

В просветах между зарослями ивы замелькали крыши невзрачных построек, я прибавила шаг. Радовало, что до деревни добралась раньше, чем рассчитывала.

По крутой тропинке поднялась на холм и остановилась отдышаться. За рекой зеленели заливные луга с высокой мягкой травой. Там паслось стадо коров. На этом, высоком, берегу реки стояла деревенька – не слишком большая, пожалуй, и трактира в ней не найдётся, но я надеялась, что уставшую путницу покормят в любой крестьянской избе.

Прямая довольно широкая улица удивила пустотой. Не играли во дворах ребятишки, не купались в пыли куры, не спали в лужах свиньи. Только собаки высовывали носы в щели под глухими заборами, исступленно лаяли, разгоняя ощущение запустения.

Строили деревню какие-то шалопаи – Ддругого объяснения у меня не нашлось. Два или три хозяйства стояли, прижимаясь заборами, потом зиял пустырь, где вполне мог поместиться ещё один двор, дальше опять постройки, за ним ещё прогал. Создавалось впечатление, что дома разбрелись из общего хоровода: поодиночке, парами, группами.

У каждой калитки я пыталась докричаться до хозяев, но те либо не слышали меня за собачьим приветствием, либо не желали отвлекаться от насущных занятий. К одинокой женщине, бредущей по улочке, я бросилась бежать, будто боялась, что та рассеется в воздухе:

– Пожалуйста! Будьте добры! Остановитесь!

Крестьянка лет сорока с невыразительным лицом взглянула на меня исподлобья и задержалась, поджидая:

– Чего тебе?

– Мне бы пообедать и отдохнуть до утра. – Заметив, как женщина недовольно скривилась, я поспешно добавила: – Хорошо заплачу.

Сердце моё чуть не остановилось, когда крестьянка покачала головой и нырнула за оградой. Оттуда она объяснила:

– Парша на овец напала по всей округе. Что если на тебе зараза? Никакие деньги не захочешь.

– Я здорова!

Женщина пятилась, качая головой:

– Не пустят, не надейся. Все, кто мог сжалиться над тобой, сквозь землю провалились.

– Как провалились? – не поняла я.

– Видала пустоши? – женщина махнула в сторону пространства между домами, – жили там. И дальше, и ещё вот там. По деревне, считай, полтора десятка семей исчезли вместе с живностью.

В её тираде чувствовалось сожаление, что вместе с людьми пропало и добро.

Я даже на минуту забыла о голоде и усталости. Умом тётка тронулась?

Решила поискать другое пристанище.

Мне отказали ещё в четырёх местах, причин не объясняли, а вопросы мои игнорировали. То, с какой опаской поглядывали на меня и женщины, и мужчины, оставляло неприятное впечатление – самых бессердечных людей словно свезли сюда со всей округи. Окончательно потеряв надежду обрести приют, я двинулась за околицу. Полежу на берегу, отдохну и двинусь дальше.

Распахнутые ворота крайнего дома заставили остановиться и заглянуть во двор. На крыльце сидела старушка. Она уткнулась в колени и покачивалась, тихо завывая. Я не сразу решилась потревожить человека в его горе. Старый пёс, гремя обрывком цепи, подошёл ко мне и ткнулся носом в бедро.

– Нет у меня ничего, – раскрыла я ладонь, – сама голодная, как медведица в марте.

Пёс шумно вздохнул, вернулся к хозяйке, заворчал. Старушка подняла голову и уставилась на меня бесцветным взглядом.

– Здравствуйте! – шагнула я вперёд. – У вас что-то случилось? Могу я помочь?

– Заразы не боишься?

Я отрицательно покачала головой, крестьянка поднялась и махнула, приглашая следовать за ней. Мы зашли в полутёмный сарай. В нос ударил запах гноя и прелой соломы. На земляном полу в беспорядке лежали неподвижные овцы. Несчастные животные не имели шерсти, а тельца их были усеяны большими и маленькими язвами.

– Болеют? – спросила я, проглотив вставший в горле комок.

– Сдохли, – без тени сожаления сказала старуха. – Надо в яму перетаскать да землёй засыпать. Одной никак не справиться.

– А где же ваши родные? – Я не сомневалась, что в большом доме с таким обширным хозяйством должно жить человек семь, а то и двенадцать.

– В город подались. Жрать-то нечего теперь будет.

Я чуть было не спросила, как же они оставили старуху одну и даже не помогли захоронить погибших животных, но смолчала, опустила на корточки, попыталась приподнять ближнюю ко мне овцу и резко отдёрнула руку.

– Шевелится! – Животное открыло круглый глаз и уставилось на меня. – Живая. Смотрит!

– Не до шуток, – сердито отозвалась бабка и склонилась рядом со мной. Овечка приподняла голову и едва слышно заблеяла. Из дальнего угла эхом отозвалось ещё несколько слабых голосов. – Вот чудо-то! Правда, живая!

– Водички им, может быть? – предложила я. – Где взять, скажите. Принесу.

– Ещё не хватало! – выпрямляясь, старуха всплеснула руками. – Господа за моей скотиной станут ходить. Чего выдумала? Иди в дом. Управляюсь.

Могла бы я, конечно, послушаться и уйти. Безумно хотелось посидеть под крышей, пожевать хотя бы чёрствый ломоть хлеба, выпить молока. Но без спросу я всё равно постеснялась бы, так что предпочла остаться с хозяйкой.

Довольно долго мы занимались овцами: перестелили солому в загоне, напоили всех по очереди и перенесли на чистую подстилку. Некоторые овечки поднимались на дрожащие ноги, другие лежали и жалостно блеяли. Принять их за мёртвых теперь было невозможно. Видимо, кризис миновал.

В дом я зашла настолько измученной, что едва не упала сразу же за порогом. Бабка, напротив, выглядела свежей, будто работа придала ей сил. Она уже не хмурилась, хотя и приветливым её обтянутое тонкой сморщенной кожей лицо назвать было нельзя. Со мной она возилась с тем же суровым видом, что и с овечками. Словно по обязанности, помогла умыться, накормила остывшей кашей, напоила квасом. Я с облегчением скинула надоевшие ботинки, сунула ноги в любимые туфли, мысленно радуясь, что захватила их с собой. Сменила платье на просторную рубаху, которую выделила мне хозяйка:

– Не брезгуй. Стираное.

Поток моих благодарностей встречала кривой усмешкой. Но когда я улеглась на постеленную на огромном сундуке перину и с наслаждением сомкнула веки, старуха присела на край, погладила меня по руке и шепнула:

– Откуда ж ты явилась, голуба? Я уж думала, все отзвучившие сгинули.

Ответить я не успела – провалилась в черноту вязкой дрёмы.

Наутро я открыла глаза, только когда надоедливый солнечный луч не оставил ни малейшей возможности подремать. Ярким светом была заполнена вся чисто убранная горница. Над чугунным котелком на столе поднимался дразнящий парок, распространяя запах варёной картошки. Рядом на белой, расшитой замысловатым узором салфетке лежали блестящие мытой кожей пупырчатые огурчики и толстые ломти хлеба. Я соскочила с постели и, подбежав к столу, сняла тряпицу с горлышка кувшина. Квас! Мне ещё вечером очень понравился кисленький, отдающий ароматом мяты напиток. Налила в глиняную кружку, выпила жадными глотками, налила ещё, огляделась.

В доме, судя по тишине, никого не было. Со стороны деревни слышалась перекличка петухов, да под окном цвенькала синица. Краем глаза я заметила свернувшегося на лавке дымчатого кота. Не стала его тревожить. Спешно оделась, причесалась и села завтракать. Вскоре в сенях затопали. Я, продолжая жевать, обернулась к входящей в горницу хозяйке. Старуха не выглядела такой угрюмой как накануне, но улыбочивой не стала. Пошаркав к столу, она положила и развернула узелок:

– Вот. В дорогу тебе собрала. Яйца вкрутую, хлеб, огурцы с грядки. Помыла. Сала чуток. Сыр овечий.

– О! Спасибо, очень кстати, – я спешно развязала кошелёк, вытряхнув на ладонь несколько монет. – Сколько должна?

Старуха выбрала самый маленький кружок и прижала кулак с ним к груди:

– На удачу.

– Возьмите ещё, – настаивала я, – вы так меня выручили!

– Это я тебе должна, Голуба, – покачала головой хозяйка, – животинки-то мои, пойдиглянь, все на ножки поднялись, травку щиплют. – Она часто заморгала и смахнула пальцем несуществующую слезу.

Своей заслуги я не видела, но спорить не стала, ещё раз поблагодарила за приют, спрятала дарёные припасы в котомку и попрощалась. Выйдя за ворота, полюбовалась голенькими овечками, пасущимися на пустыре, где ещё месяц назад стоял соседский дом. Животные выглядели вполне здоровыми, кожа у них очистилась от нарывов и успела покрыться лёгким пушком. Если так пойдёт и дальше, к осени овечки совершенно обростут.

Дорога вела на восток, я пошла по ней, не спускаясь к реке. Каждый шаг отдавался болью в натруженных мышцах, косточки у больших пальцев ног нестерпимо ныли. Я ругала себя за то, что не наняла лошадь, но помня вчерашние злоключения, сомневалась, что потрачу время с пользой. Лучше попытаю счастья в следующей деревне.

Зияющая пустырями улица отняла надежду. И во второй деревне встретили меня неласково.

– Иди-иди, куда шла, – в ответ на обращение грубовато прохрипел мужик, оседлавший лавочку около крайнего дома.

Я не рассчитывала найти кого-то более приветливого и продолжила расспросы:

– Где можно нанять лошадь? Хорошо заплачу, не сомневайтесь.

– Чего сомневаться-то? – ухмыльнулся крестьянин, – я б и сам заплатил за конягу, только пали они все.

– Как это все? – изумилась я. – До единой?

– Одна осталась, да ты опоздала. Рыжий Лука – хозяин её – с перепугу на сторону подался. Ещё на заре уехал.

Я поправила лямку импровизированной сумы на плече, вздохнула полной грудью, чтобы придать себе бодрости, и пошла по улице, стараясь не прихрамывать. С каждым шагом это становилось всё труднее. Мужик оказался прав. Где б я ни просила помощи, получала либо отповедь, либо молчаливый презрительный взгляд. Оставалось теряться в догадках – что так злило деревенских? Неужели незнакомая, хорошо одетая и симпатичная девушка внушала им опасения?

Миновав редкую рожицу, где среди берёз и орешника затесались молодые ёлочки, воинственно топорща тёмные ветви, я заметила на дороге кибитку. Не тот ли это крестьянин, что покинул деревню, испугавшись падежа лошадей? С какой бы целью он ни остановился, нужно догнать. Я пустилась бежать. Котомка с переброшенным через лямку дождевиком страшно мешала, в бок при каждом шаге ударял лежащий в кармане револьвер, но я не замечала ни этих неудобств, ни боли в ногах. Только бы успеть! Уговорю хозяина подвезти меня хотя бы до предгорий, отдам все деньги, лишь бы он согласился.

Бег разгорячил меня. Пот заливал глаза, но я не сбавляла темпа. Кричать точно не смогла бы, поэтому, если кибитка тронется, я опять останусь на дороге одна.

Всё ближе и ближе зашторенный кузов фургона, я уже могла разглядеть выцветшие заплатки на линялом холсте, задок телеги из небрежно сколоченных брусков, неподвижные колёса. В кутерьме мыслей рождались робкие сомнения: почему путник остановился в чистом поле?

Вопрос оказался не праздным. Обогнув кибитку, я увидела лежавшую на дороге лошадь. Она не шевелилась, не дышала, не похрапывала, только желтоватые хлопья пены на тёмно-коричневых боках свидетельствовали о том, что ещё недавно животное тащило повозку. На обочине растянулся мужчина, высокая трава почти скрывала его, и я обнаружила присутствие человека не сразу. Он, услышав моё учащённое дыхание и вырвавшийся разочарованный возглас, приподнялся на локте. На заросшем рыжей бородой лице выделялись яркие голубые глаза. Кепка со сломанным козырьком съехала на затылок, ворот рубахи распахнулся, открывая волосатую грудь. Мы уставились друг на друга.

– Здрав... ствуй... те, – пропыхтела я, не справляясь с дыханием.

Мужчина отвёл от меня изучающий взгляд и рывком поднялся с земли.

– Оружие есть?

– Что? – я отступила шага на два.

– Прикончить, чтобы не мучилась моя Звёздочка.

Взглянув на лошадь, я увидела яркое белое пятно на лбу, вероятно, и давнее животному кличку. Мужчина присел на корточки и погладил лошадку по шее.

– Не уберёг я тебя, – сокрушался он.

Я спросила:

– Вы Лука? Из деревни, что за лесочком?

– Оттуда. Все передохли, моя дольше других продержалась. Он встал, подошёл к телеге и принялся искать что-то в куче сваленного в беспорядке барахла.

Я опустила на колени перед мордой лошади, тронула пальцами пятно на лбу. Ухо животного дрогнуло и развернулось ко мне:

– Что же ты, Звёздочка? – чуть не плакала я.

– Стащить надо на обочину, – сердито бормотал мужчина, – пойди, что ли, за помощью?..

Лошадка дёрнулась и шумно задышала. Потом издала короткое ржание и попыталась подняться. Я не осознавая, что делаю, помогала животному. Конечно, сил моих было недостаточно, но будто кто вселил в меня их, я чувствовала, как от рук исходят и вливаются в лошадь

упругие волны. Уже через минуту Звёздочка оказалась на ногах и потянулась ко мне губами. Я лихорадочно раскрыла котомку и вытащила из узелка краюху хлеба.

– Ешь! Ешь, милая!

Мужик наблюдал за происходящим с таким ошарашенным видом, словно я у него на глазах вскрывала гроб с покойником. Меня немного веселил суеверный ужас, мелькавший в глазах рыжего возницы. Я даже не успела сформулировать просьбу, Лука опередил, сообщив, что доставит меня хоть на небо.

– Так высоко не нужно, – засмеялась я, – замок Далеор будет в самый раз.

– Туда к вечеру домчим! – с энтузиазмом согласился мужчина.

Звёздочку он не погонял, она сама бежала так шустро, что представить её лежащей без сил на дороге было совершенно невозможно. Я всё-таки попросила Луку делать остановки и давать лошадке отдых. Я расположилась в фургоне, Лука постелил набитый сеном матрац на широкую скамью. Сидеть было удобно, аромат высушенных цветов дурманил, даже запах лошадиного пота почти не чувствовался. Я разулась и разминала задеревеневшие стопы. Напрасно все считали меня опытным ходоком, прогулки по горным тропам закалили, но совершала я их в удовольствие и оказалась плохо подготовлена к бегу и долгой ходьбе. Возможность завершить путешествие в повозке подвернулась кстати.

Рыжий Лука словно забыл о моём существовании, молчал, не поворачивал головы, сидел сгорбившись на передке телеги и время от времени шевелил вожжи. Звёздочка бежала споро.

Мерное покачивание убаюкивало, но попадавшиеся под колёса бугорки встряхивали меня, не давая задремать. Я мечтала о доме. Сердце щемило от предвкушения встречи. Это станет счастливым событием, но как родители отнесутся к рассказу о моём положении в графском поместье, я представляла не в полной мере. Отец, наверное, рассердится и потребует от Боннтов объяснений, а мама испугается отмены сделки и станет уговаривать мужа забыть о неприятном недоразумении. Сама я уже не злилась. Ведь всё закончилось хорошо? Виконт изначально не интересовал меня. Как может заинтересовать незнакомый юноша? Тем более тот, о ком слышала весьма нелестные отзывы. Не то чтобы я доверяла слухам, однако наша добрейшая нянюшка не станет болтать зря, она при упоминании Боннтов менялась в лице, качала головой и бормотала:

– Ох Делюшка, не того тебе сватают, не того.

– А что такое, – дразнила я, – недостаточно богат? Не слишком родовит?

– Тёмный он. Проклят.

Видя искреннее огорчение няни, я обнимала её и успокаивала обещанием не выходить за проклятого виконта, хотя дело было вовсе не в слухах – я не рассчитывала испытать взаимные чувства при первом знакомстве.

Увидев горы, я готова была петь. Ведь завтра буду дома, осталась одна ночёвка в трактире, куда мы с Лотой любили бегать за варёной кукурузой. Тётушка Кро умудрялась готовить её лучше всех. Кроме того, нас тянуло в харчевню любопытство – там встречались люди из дальних уголков страны. Каких только историй не рассказывали путники!

Колёса загромыхали по камням, телегу затрясло, приходилось крепко держаться за спинку скамьи, чтобы не сбросило на пол. Здесь ещё до рождения отца сошёл сель, завалив путь камнями. Людям пришлось потрудиться, разбирая их. Груды булыжников до сих пор высились на обочинах и загораживали обзор. Мы миновали нерукотворную стену через проём... Нет! Я встала и чтобы не упасть схватилась за спину Луки. Он натянул вожжи, ошарашено бормоча:

– Вот невезуха! И эти провалились.

На месте знакомых построек зеленела трава, усыпанная желтоглазыми ромашками. Чуть в стороне сохранился полуразрушенный амбар.

Щёки мои стали мокрыми. Их холодил тянувший с гор ветерок.

– Тётушка Кро... – прошептала я чуть слышно, – как же так?

Те пустыри в деревнях удивляли меня, слова о пропавших домах и семьях, их населявших, пугали, но я не принимала эту правду до конца – такого ведь не может быть! Миф. Сказка. Небылица. Но вот передо мной место, где я бывала сотню раз. Здесь всегда бурлила жизнь. Тётушка Кро хлопотала в кухне, её муж – толстощёкий здоровяк – принимал и размещал гостей, пятеро детишек от трёх до одиннадцати лет помогали родителям по мере сил и возраста. Теперь их не было! Никого. Можно представить, что семейство снялось и уехало с насиженного места, но каким образом растаяло добротное трёхэтажное здание? Куда подевался каретный сарай? Где огород, сад, теплицы, коровник? Где домики многочисленной челяди?

Я выбралась из повозки и побрела по ромашковому лугу. Ошибки нет, место то самое. Знакомые вершины сияли розовыми колпаками, отражая лучи закатного солнца. Одна дорога начинала подъём к нашему замку, другая вела через луга к морю, третья, по которой мы приехали, прорезала насыпь, прячась за ней. Хрипловатый голос выдернул меня из задумчивости:

– Куда теперь?

– А?

– Я говорю, – рыжий Лука мял в руках картуз, – в замок везти тебя или ещё куда? Тут неподалёку деверь мой живёт, к нему я направлялся. Не зову. Там и так полна горница народу.

– Нет-нет. Спасибо, – вздохнула я, – сама доберусь. Ты поезжай. Вот, деньги возьми.

Мужчина замахал руками:

– Брось, госпожа, не возьму. Как бы удачу не спугнуть.

Я вытащила монетку и протянула на раскрытой ладони:

– Как талисман бери. На счастье.

Веснушчатая рука потянулась к моей, Лука осторожно двумя пальцами подцепил монетку.

– Благодарствую. Пусть Хранитель не отступает от тебя, госпожа. – Он вернулся к повозке и, правя мимо меня, махнул на прощанье рукой.

Я поплелась к единственному сохранившемуся строению. Нужно отдохнуть. На рассвете начну подъём.

Устроилась на полусгнившем полу: расчистила от мусора достаточное пространство и постелила дождевик, под голову положила котомку. Спала урывками. То проваливалась в чёрную как угольная шахта яму, то выныривала из неё, обнаруживая себя в сером сумраке амбара, где сквозь щели в потолке пробивался серебристый свет луны. Никто не пришёл ко мне во сне, не утешил, не развеял опасений. Я гнала горькие мысли, твердя папино правило: не пугаться плохих знаков, искать добрые.

Разбудил меня крик петуха. Слышала его звонкий радостный призыв явственно. Резко села, потёрла лицо, прогоняя слабость, прислушалась. Тишину нарушали только шелест ветра и поскрипывание оторвавшейся от притолоки доски.

Где же ты, петушок? Почему замолчал?

Я выбежала за порог и замерла, вглядываясь в затянутую туманом даль.

Ничего.

Не хотелось признавать, что крик мне пригрезился. Он будто ниточка протянулся от исчезнувших людей к ночевавшей в заброшенном амбаре скиталице. Но как ни пыталась я уяснить смысл этого знака, добрый ли он, не могла это понять.

Нехотя я собиралась в дорогу, придётся стать чёрным вестником. Жители замка будут горевать, услышав о необъяснимых событиях на равнине. Пожалуй, и не поверят сразу. Я представляла испуганные глаза сестрёнок. Они всегда слушали страшные истории, прижавшись друг к другу. Так будет и в этот раз. Только истории на сей раз – не выдумка.

Первая сотня шагов далась нелегко. Я брела в тумане, словно ослепший и оглохший призрак. Спотыкалась, оступалась, покачивалась, лоя равновесие. Но вот подъём стал круче, и дорога вывела меня из белёсой дымки на чистый воздух. Внизу на укутавшем луга и дороги,

похожем на свернувшееся молоко покрове лежала тень горной гряды. Но вдали, ближе к горизонту, всё сверкало в утренних лучах.

Дорога вела к перевалу. За ним – вохры. Дикие племена издревле кочевали по защищённым от холодного моря степям и были совсем не прочь совершить набег. Но путь им преграждал неприступный замок Далеор, построенный моими предками. Ощетинившаяся пушками тридцатиметровая стена пересекала распадок, ведущий к понижению в гребне горного хребта. К счастью, вохры не имели огнестрельного оружия, не знали пороха. Они даже не пытались осаждать крепость. Ни отцу, ни деду не пришлось воевать. Они занимались разведением овец, имели шерстобитки, вязальные и ткацкие фабрики, тем самым давая работу тысячам людей. Авторитет герцога Далеор и среди знати, и среди простого люда был необычайно высок. Одно лишь обстоятельство мешало идиллии: ни одна из нас не родилась наследником. Немудрено, что отец предпочёл взять на воспитание чужого ребёнка, чтобы не оставить владения наших предков неведомо кому. Вернее, тому, кому позволит хозяйничать здесь король. Герцог Далеор не доверял Его Величеству, несмотря на то, что их матери были родными сёстрами.

Солнце поднялось над вершинами. Блестящие от влаги камни подсыхали, постепенно теряя краски и приобретая привычную матовость. В расположившемся ниже по склону лесочке наперебой щебетали птицы. В небе заливался жаворонок. Привычные красоты, приятная погода и сносное самочувствие не радовали. Мешала тяжесть на сердце. Я заставляла себя представить встречу с мамой и сёстрами, но образы близких прятались за тоскливыми думами, и получалось это лишь урывками. В том, что семья ждёт меня, сомнений быть не могло, но всё теперь вращается вокруг долгожданного наследника: сёстры стоят в очередь, чтобы понюхать, мама немного ревнует и следит, чтобы девочки бережно обращались с братишкой, а отец, оставив многочисленные заботы, любителю женой, дочерьми и сыном. Он привалился плечом к стене, скрестил на груди руки, улыбается одними глазами и молчит.

Как же всё изменится с моим появлением. Почему-то не приходило в голову, что в замке могли узнать о трагических событиях и без моего участия. Став очевидцем необъяснимых явлений, я каким-то образом присвоила их и приняла на себя обязанность свидетеля, будто, оставив семью в благополучии, а родителей полными надежд, я подсознательно держала их в том же положении. И оказалась совершенно не готова к удару, ожидавшему меня за последним поворотом.

Извилистая дорога в очередной раз обогнула крутой бок горы, называемой Баранья башка. Единственный прямой участок длиной в пятьдесят шагов устремлялся к воротам...

К воротам, которых не было. Ни крепостной стены, ни башен, ни цитадели, ни жилого дворца. Передо мной лежала пустошь, усеянная гладкими, точно отполированными булыжниками. Ноги вросли в землю корнями молодой сосенки. Я не чувствовала тела, оно как будто исчезло или существовало отдельно от меня. Мысли вязкие, липкие, неживые вяло ворочались, никак не влияя на ужас, завладевший мной. На плато у Бараньей башки замок словно никогда и не стоял. Словно не прошли здесь счастливые годы моего беспечного детства, словно не было у меня ни сестёр, ни родителей, словно не играли здесь шумную свадьбу девятнадцать лет назад, словно не существовал союз двух любящих людей – герцога и герцогини Далеор.

Не осознавая, что делаю, я уткнулась взглядом в землю и пошла вдоль ряда камней. Они только на первый взгляд лежали в беспорядке. Двигаясь от одного к другому, я уловила систему: ряды булыжников, отстоящих друг от друга на расстоянии моего шага, закручивались в гигантскую спираль, а на расстоянии трёх шагов в точном соответствии с первым рядом шёл второй, а дальше – третий, четвёртый.

Какой гигант выкладывал замысловатую мозаику? Кому понадобилось шутить над несчастной леди Аделией?

Ближе к центру плато ветки спирали изгибались круче, а камни становились мельче. У края они были размером с лошадиную голову, потом – с овечью, дальше – с кошачью, потом

– с мой кулак. И вот я ступила на россыпь каменных бобов, уложенных по цвету в рисунок – воронку с дырой посередине. Подойдя ближе, я наклонилась, чтобы заглянуть в яму. Солнечные лучи проникали туда совсем чуть-чуть, высвечивая глянцевую поверхность. На глубине – чернота, взгляду не за что было зацепиться.

Мой неосторожный шаг потревожил узор. С глухим шорохом камешки посыпались в глубину. Судя по отсутствию ударов, дна они не достигали. Воронка стремительно поглощала мозаику, будто голодный дракон. Чувствуя, как почва уходит из под ног, я отпрыгнула. Толчок из-за неустойчивой опоры вышел слабым. Я упала на спину, судорожным движением перевернулась и, суетливо перебирая руками и ногами, доползла до крупных камней. Те не двигались. Села, опираясь на локти. Тяжело дыша, сдувала с лица упавшие на него пряди и с ужасом смотрела в яму, чуть не ставшую для меня могилой.

Скоро шорох стих. Яма заметно расширилась, но оставалась тёмной, словно в ней спрятали ночное пасмурное небо. Безумная мысль посетила меня – во время землетрясения каменный смерч поглотил замок, утянув его в горное чрево.

Неужели все знакомые и дорогие мне люди погибли? Разве можно допустить такую несправедливость? Час за часом я сидела, не шелохнувшись. Не замечала палящего солнца, не чувствовала голода и жажды. Лишь тоска кромсала сердце, отнимая последние силы.

Взор мой затуманили слёзы, камни сквозь эту линзу выглядели плоскими, будто великан приплюснул их, вдавив в землю. Я уже видела спираль, нарисованную таким образом. Попыталась сосредоточиться, напрягла память. Да. Такой рисунок был в книге, которую мне дала няня. Быть может, там есть решение выпавшей на мою долю загадки? Почему я не прочла? Что помешало выполнить нянюшкину просьбу? Как глупо тратила я время, посвящая его романам! Бестолковая. Оставила эту ценность в доме графа. Просила отправить вещи почтой. Куда? Куда Боннт отправит сундук? Где моя семья?

После того как мысли перенесли меня в графское поместье, вспомнилось посетившее меня там видение. Мама, сёстры, отец... Они стояли, поддерживая друг друга, а замок разрушался. Что если они успели выбежать? Что если спаслись? Могло ведь такое случиться?

Схватившись за это предположение, я приободрилась. Нечего сидеть! Надо искать семью. Встала и пошла подальше от страшной дыры. Мне нужно было сосредоточиться. Куда могли отправиться уцелевшие люди? Логичнее всего – в поместье Боннтов. Ведь там гостила я. Но этого не случилось. Иначе мы бы встретились. Значит, они направились в столицу. Конечно! Как я сразу не догадалась?! В столицу. Куда ещё идти герцогу Далеору с семейством, как ни к двоюродному брату?!

Значит, и мне туда! Стиснув виски ладонями, я расхаживала по каменному лабиринту и напрягала память. В столицу можно попасть двумя путями. Вернуться по той дороге, которую я проделала, миновать поместье Боннтов и чуть дальше переехать по мосту на другой берег Прозрачной. В карете путь займёт дней пять, верхом быстрее.

Однако так я не хотела двигаться. Граф Боннт вполне может разыскивать сбежавшую гостью. Значит, остаётся другая не такая удобная, но более короткая дорога – нужно пройти на противоположный край плато, перебраться через ручей, дающий начало Прозрачной, и спуститься по другому берегу горными тропами. Тогда и мост не понадобится. Внизу есть несколько деревень. В одной из них я найму лошадь. Куплю! Украду! Отберу, угрожая пистолетом! Что угодно сделаю, но лошадь у меня будет!

Я в последний раз взглянула на знакомую до мелочей горную грядку. Вряд ли ещё побываю здесь. Меня душили злые слёзы. Всё как всегда. Нет только главного, что мне необходимо. Моей семьи, нашего дома.

Глава 3. В путь

Оставив за спиной окаменевший вихрь, я направилась к западному краю плато. Придётся поискать удобный спуск в ущелье. Шла я бодро. Сил придавала уверенность, что с моими родственниками всё хорошо. Они живы и давным-давно столице. Наверняка сообщили об этом телеграммой, а граф Боннт по непонятной причине скрыл это.

Немного печалило расставание с любимыми горами. Прекрасно понимала, что вернуться сюда вряд ли смогу. Даже если отец затеет восстановление замка, строительство продлится лет пять, а к тому времени стану частью другой семьи и буду погружена в хлопоты и заботы о муже и детях.

В задумчивости я спускалась по выбитым в скале ступеням, сдерживая себя, чтобы не оглянуться и не бросить последний взгляд на Баранью башку. Она начиналась прямо от дороги резким подъёмом с двумя провалами, издали похожими на ноздри животного. Дальше шла пологая часть пошире, по бокам от неё выпирали выступы, напоминающие закрученные рога. Вершину, словно кудрявая чёлка, венчал бугорок. Залезать на Баранью башку было легче, чем на любую другую гору, и вид с неё открывался потрясающий. Мы с Зои вечно спорили, кто из нас разглядел море первой. Отец утверждал, что увидеть его с Бараньей башки невозможно, но мы себе верили.

С плато к ручью вели выдолбленные в камне ступени. Тропа была довольно безопасной, но с непривычки ноги у меня устали и начали подрагивать. Достигнув дна ущелья, я присела на камень, зачёрпнула ледяную воду ладонью, напилась. Добыла из котомки остатки припасов, съела всё до крошки. Ничего, в деревне меня накормят. Я настроилась решительно. Теперь не буду действовать как проситель – успела убедиться, что вежливостью никого не проймёшь. Пусть только попробуют отказать! Скажу, что пожалуюсь самому королю. Он, как-никак, мой двоюродный дядя. «Накрутив» себя как следует, я поднялась, перекинула котомку через плечо и перешла ручей по выложенным дорожкой камням. Теперь нужно было подняться на ведущую к выходу из ущелья дорожку.

Закричал петух. По телу прошла судорога. Откуда здесь петух? Меня преследуют слуховые галлюцинации? Схожу с ума?

Озираясь, я начала подъём. Вслушиваясь в окружающие звуки – журчание ручья, свист ветра, я ослабила внимание и шагнула на неустойчивый камень. Пошатнулась, переступила в поисках равновесия и сдвинула с места другой. Тот, как оказалось, подпирал довольно большой булыжник. В один миг я съехала с метровой высоты обратно к ручью и распласталась на камнях. Резкая боль в ноге заставила меня взвыть. Кусая губы, села, осмотрела себя. Подол задрался, от холодных мокрых камней меня отделяли только шёлковые панталончики. Ни встать, ни поправить платье я не могла. Лодыжку левой ноги придавил огромный камень. Я с трудом дотянулась до него, но сдвинуть сил не хватало.

Ловушка! Я в капкане. Упираясь руками в землю, я свободной ногой отталкивала пресс, не желая мириться с отчаянным положением. Мне мешала собственная ступня.

Боль в ноге не то чтобы утихла, но шило, пронзившее сустав, сменил тлеющий уголёк в щиколотке. Я подняла глаза к небу, словно ища поддержки свыше, и напряглась, уловив движение на тропе.

Там стоял ангел. Так мне показалось в первое мгновение. Красивый юноша в добротной дорогой одежде. Ещё бы немного сочувствия во взгляде, тогда бы сомнений, что проведение послало мне помощь, не возникло. Молодой человек смотрел скептически. Ярко очерченные тонкие губы его кривились. Он разомкнул их и произнёс ошарашившую меня фразу:

– Какая призывная поза.

Нахлынувший на меня гнев заставил забыть о боли. Я лихорадочными движениями пыталась натянуть подол на колени. Не получалось. Незнакомец легко спорхнул с насыпи и наклонился надо мной. В его глазах – тёмно-синих, как небо после заката – читалась убийственная скука. Я не успела ни о чём попросить, он присел на корточки, взялся двумя руками за камень, рывком поднял его и отбросил в сторону. Стало легче, но острая боль вернулась. Я застонала, кусая губу. Мой спаситель выхватил из кармана платок, намочил его и обмотал больную ногу. Я поблагодарила.

– Идти можешь? – спросил он, держа руки за спиной.

Я встала на колени, лихорадочно поправила платье и, опираясь на здоровую ногу, попыталась подняться. Не получалось.

– Поддержите меня, пожалуйста, – взглянула я на юношу снизу вверх.

Он опять скривился и протянул мне ладонь:

– Вот кулёма неуклюжая!

Я так сильно прикусила губу, поднимаясь, что почувствовала во рту вкус крови. Однако приняла помощь и оказалась, наконец, на ногах. Теперь я смотрела парню прямо в глаза. Он если и был выше меня ростом, то совсем немного. Но с каким превосходством смотрел! Стараясь не выказать охватившей меня обиды, заявила холодным тоном:

– Попрошу уважительного обращения. Вы знаете, кто я?

– Ах да! Леди Баранья башка! Дозволите мне тащить вашу драгоценную тушу на своём горбу?

У меня дыхание перехватило от возмущения. Пару раз открыв и захлопнув рот, я выпалила:

– Не смейте употреблять при мне гнусное прозвище! Это оскорбляет не только меня, но и герцога Далейора! – Не заметив изменений ни на равнодушном лице парня, ни в его скупающем взгляде, я сказала спокойнее: – Сама пойду, тащить меня не нужно.

Это было самонадеянным заявлением – едва ступив на ушибленную ногу, я закричала от боли. Ангелоподобный незнакомец, не взглянув на меня, обошёл, поднырнул, обхватил колени и выпрямился. Я повисла на его плече и от неожиданности вцепилась обеими руками в холщовую куртку.

Боль в ноге затаилась. То ли от пережитого потрясения, то ли положения, в котором я висела, то ли от мелькавших перед глазами мокрых бульжников мысли мои скакали, словно козлята по молодой травке. Я пугалась предстоящего пути: когда я смогу нормально ходить? Удивлялась силе юноши, который при довольно хрупком телосложении нес меня без видимых усилий. Радовалась тому, что переложила револьвер из кармана в котомку. Размышляла, не снять ли её – болтается при каждом шаге, ударяя моего носильщика по бедру.

Тем временем парень, двигаясь вдоль ручья, достиг ровной площадки и решил отдохнуть. Он присел, ставя меня на землю, и выпрямился. Лицо его покраснело, на лбу тёмные волосы слиплись от пота. Всё-таки ему было тяжело.

– Я очень признательна, – начала было я, но он повернулся спиной и бросил, направляясь к воде:

– Сделай милость, заткнись.

Я смотрела, как он умывается и пьёт, и готова была разрыдаться. Никто никогда не разговаривал со мной в таком тоне. Что делать? Терпеть дальше или отказаться от услуг этого грубияна? Очевидно, что без него я пропаду. Даже если боль утихнет, и завтра или послезавтра я смогу идти, меня ждёт холодная и голодная ночёвка в горах, где, между прочим, встречаются волки. И всё же, когда парень выпрямился и замер, глядя в небо, я заговорила:

– Пожалуйста, вспомните об этикете. Нехорошо так обращаться с человеком, который невольно оказался в вашей власти.

Он обернулся с кривой улыбкой:

– Что тебе нужно: помощь или уважительное отношение?

– Зачем противопоставлять? – Я больше не смотрела на него, привалилась к тёплой скале и прикрыла глаза. – Как ваше имя?

– Чего расселась? Пора.

Я оперлась на поданную руку, встала. Парень, проигнорировав мой вопрос, забрал котомку, повесил себе на плечо, а на другом в следующий миг оказалась я. Дорога отвернула от ручья и лежала ровной широкой лентой.

– Я, наверное, смогу прыгать на одной ноге, опустите меня, пожалуйста.

Вместо ответа я получила шлепок по мягкому месту. Ну это уже переходит все границы! Не особенно соображая, что делаю, я саданула носильщика кулаком. Угодила по почке, у парня подогнулись колени, и он не сразу поймал равновесие.

– Очумела?!

– Поставьте меня! Идете куда угодно! Я не желаю... – кричала я. Да пусть хоть волки меня загрызут, не стану терпеть такое!

Он затрясся. Смеётся?! Этот противный красавчик смеялся! Беззвучно, но вполне ощутимо. Преодолев приступ веселья, он сказал:

– Не суетись, попрыгунья. Скоро доберёмся до укрытия. Там и оставлю тебя.

Я надулась и замолчала. Потерплю ещё немного. Перспектива переночевать одной где-нибудь под крышей меня устраивала.

Смотреть по сторонам было не очень удобно, приходилось до хруста в шее поворачивать голову. Местность я не узнавала – не забиралась сюда во время прогулок.

Наконец, движение замедлилось и, парень, тяжело дыша, поставил меня. Я потянулась за котомкой. Там же пистолет! Имущество моё поплыло в сторону и оказалось в салоне автомобиля. Я на миг потеряла способность говорить. Очнувшись от шока, поковыляла к машине:

– Отдайте!

– Садись, – незнакомец распахнул дверцу.

– Не поеду, – мотала я головой, – это машина графа Боннта, я узнала её. Он послал вас?

Парень сердито подвигал ноздрями, обошёл автомобиль и сел за руль. Чуть помолчав, обернулся.

– Кажется, ты ездила на ней. Что же изменилось?

– Я не собираюсь возвращаться в поместье.

– А я не собираюсь тебя туда везти. Подумай своей бараньей башкой. Разве я оставил бы здесь машину?

Он был прав. Ехать в поместье удобнее по ту сторону реки. Значит, водитель специально сделал крюк, чтобы попасть сюда.

– Назовите своё имя, пожалуйста, – я уже внутренне сдалась и собиралась сесть, но хотела сохранить хоть каплю самоуважения.

– Рэй.

– Рэймон Боннт? Сын графа? – я качала головой, не понимая, как поступить. Вот и познакомились, что называется. – Куда вы собираетесь везти меня?

– Садись уже, а? И хватит мне выкать. Леди! – в голосе его слышалась издёвка. Видя, что я не двигаюсь, он вздохнул и сказал более миролюбиво: – В ближайшей деревне переночуем. Утром всё обсудим. Так пойдёт?

Я, стиснув зубы от боли, шагнула к машине.

Уже через минуту мы ехали в сторону заката. Некоторое время молчали. Я, отвернувшись от водителя, бездумно созерцала неторопливо проплывавшие виды. Вдалеке паслось стадо коров, почти у горизонта угадывался высокий берег Прозрачной. Судя по направлению, мы удалялись от неё. Значит, Рэймон не обманывал, его цель – столица.

– Виконт... – начала я, но он не дал задать вопрос, сердито глянув в мою сторону:

– Оставь эти словечки для салонов! Тут тебе не толкучка великосветских идиотов!
Я хватала ртом воздух, не находя слов. Собравшись, заметила:

– Не вижу никакого идиотизма в том, чтобы быть вежливым. Я не навязывала вам своё общество и не понимаю, почему мои слова вызывают такой протест. – Не дождавшись реакции – Рэй сидел, вцепившись в руль и щурясь смотрел вперёд – я добавила: – Мой отец, когда узнает, как вы были грубы со мной...

– Я его живого-то не боялся, теперь-то что, – пожал плечами виконт.

Я подалась к нему, схватив обеими руками за локоть:

– Что? Что тебе известно?

Из-за меня машина вильнула. Рэй затормозил и, когда автомобиль остановился, взглянул на меня:

– Всем известно. Уже скоро месяц. Ты же была у Бараньей башки, я видел, как ты спускалась.

Я мелко затрясла головой, не желая отказываться от призрака надежды:

– Замка нет, но я полагала, что люди спаслись!

Жадно всматриваясь в синеву глаз виконта, я искала в них намёк на злую шутку, но он был на удивление открытым. Похоже, юноша не предполагал, что станет гонцом с дурными вестями.

– Их долго искали, – он отвернулся и тронул машину. – Отец посылал целые экспедиции прочёсывать округу. Никаких следов.

Тент был свёрнут и брошен позади нас, поэтому стоило отклониться в сторону, в лицо ударял встречный поток воздуха. Что я и сделала – зажмурившись, подставила лицо ветру.

Итак, я осталась одна на белом свете. Это была первая мысль. Вторая: меня спасла поездка в поместье Боннгов. Горько было оттого, что почти месяц я безмятежно существовала в уютном флигеле в глубине графского парка и беспокоилась лишь о том, почему моё присутствие там игнорируют. В то время как моя семья полностью...

Я всё-таки вынырнула из потока воздуха и уткнулась в ладони. Нужно быть сильной. Мама, папа, сёстры... все они, без сомнения, желали мне долгой и счастливой жизни. Ради их памяти я должна постараться... Должна. Но сил на это я не чувствовала совершенно.

– Приехали, – вырвал меня из задумчивости насмешливый баритон.

Я то ли привыкла к беспардонности виконта, то ли настолько погрузилась в свои страдания, что не почувствовала себя задетой. Похоже, восприятие действительности притупилось. Отняв руки от лица, я увидела двухэтажный каменный дом под черепичной красной крышей. Машина остановилась во дворе неподалёку от коновязи, где помахивали хвостами, отгоняя оводов, четыре каурые лошадки.

– Что это? – равнодушно поинтересовалась я, проследив взглядом за группой из шести мужчин, шумно вываливавшихся из дверей на крыльцо.

– Трактир. Он переполнен, но я снял для тебя комнату.

– Для меня? А ты?

Рэй усмехнулся, заметив, что я «сдалась» и оставила светский тон.

– Переночую в машине, не рискну оставить её без присмотра.

Он выбрался наружу и занялся брезентом, собираясь натянуть тент. Я подёрнула ручку, едва не отломив рычажок, распахнула дверцу и, морщась от боли, вынесла ноги наружу, затем встала на правую, держа на весу больную.

– Тебе что-нибудь нужно из этого? – спросил виконт.

Я обернулась, полагая, что речь идёт о моей смешной котомке, но увидела дорожный сундук. Тот самый, что остался во флигеле, а теперь высился на заднем сидении.

– Ты не забыл мои вещи, Рэй? – удивилась я.

– Выкрал, – сквозь зубы процедил виконт, – отец приказал доставить тебя в поместье, но я не собирался этого делать, поэтому и позаботился о единственном имуществе, что у тебя осталось.

– Спасибо, – я откинула крышку и зарылась в вещах. Они пахли домом. – Как же ты дотащил его один?

– Садовник помог. Он, кстати, благодарил за то, что подбросила ключ. Иначе он не смог бы оправдаться.

Я вспомнила любителя напевать за работой и улыбнулась.

Пока мой невольный спутник искал что-то между креслами, я спешно перегрузила из сундука в котомку бельишко и чистое платье, оставив там дождевик.

– Можно идти, – попыталась ступить на больную ногу и охнула.

Виконт подал мне трость из красного дерева с бронзовым набалдашником. Я вздрогнула, заметив инкрустацию в виде знакомого мне символа дома Боннгов.

– Так будет проще, – пояснил он и потянул из моей руки пиджачок, – давай, дотащу сумку.

Изо всех сил сдерживая стон, я хромала мимо стопившихся в общем зале людей. Краем глаза заметила любопытные и насмешливые взгляды. Ни капли сочувствия. Не то чтобы я в нём нуждалась, но могли хотя бы для приличия... Хотя о чём я? Пора распрощаться с иллюзиями, обретенными за время счастливого детства.

Виконт отнёс котомку и, не задерживаясь, вернулся к автомобилю. Меня сопровождала словоохотливая служанка. Пока мы тащились по коридору, я успела узнать кучу неприятных подробностей о семействе хозяина трактира. Толстуха ругала его, не стесняясь. Основной претензией женщины была его жадность. Именно из-за неё вышли из строя все печи. Уже в комнате, усевшись и вытянув ноющую ногу, я поняла, чем это обернётся для меня.

– Горячей воды не будет? Помыться бы.

– Говорю же, – всплеснула руками служанка, – негде греть! Еды горячей тоже нет. Если пожелаете, прикажу творогу со сметаной доставить.

– Да, пожалуйста. И холодной воды хотя бы, – я внутренне содрогнулась, представляя, как полезу в холодную ванну, но смыть с себя накопленный негатив было жизненно необходимо.

Болтушка скрылась за дверью. Я едва успела избавиться от ботинок и разбинтовать ногу, как в комнату постучались. Это оказался мальчик лет десяти – запуганный и тощий, с каштановыми кудряшками и карими глазами. Он принёс еду.

Ребёнок мне приглянулся, и я предложила ему монету.

– Нет-нет! – отступил он. – Хозяин отберёт. Да ещё поколотит. Вы лучше ему заплатите.

– Ты здесь прислуживаешь?

Паренёк пожал плечами, не зная как ответить. Моё предложение поесть отверг. И даже оглянулся на дверь, словно опасался, что нас подслушивают. Спросил разрешения уйти, я позволила. Он показался мне таким неприкаянным, что сердце разрывалось. Решила, что как только чуть-чуть отдохну, позову его и спрошу о родителях. Почему-то была уверена, что мальчик сирота.

Едва я, завершив трапезу, отодвинула тарелку, в дверь снова постучали. В приоткрывшуюся щель заглянула болтливая служанка. Она оценивающе оглядела мой наряд, состоящий из нижней юбки, рубашки и домашних туфель, и весело сообщила:

– Повезло вам, госпожа! Печи заработали. Я вам первой воды согрела. Нести? – улыбнувшись в ответ на мой радостный возглас, спросила: – Можно мне Гай поможет?

– Кто? – удивилась я, услышав «Рэй». – Виконт?

– Мальчишка. Подсобник. Он был у вас.

– А! Конечно.

Они вдвоём затащили здоровенный чан в туалетную комнату, откуда послышался шум наполняемой ванны. Мне требовалась помощь, но с толстухой не хотелось оставаться наедине, а мальчика было неловко привлекать, поэтому я спросила:

- Нет ли в трактире девочки, чтобы помогла мне принять ванну?
- Моя сестра с удовольствием согласится, – обрадовано воскликнул Гай, – Лида.
- Очень хорошо, приведи её.

Мальчишка убежал, а толстуха, уходя, предупредила:

- Деньги не давайте. Хозяин всё одно отберёт.
- И тебе тоже?
- И мне, – печально пожала плечами служанка, – жадный, как сам...

Она вышла, не закончив мысль, так я и не узнала степень алчности хозяина трактира.

Вскоре пришедшая Лида не выглядела такой забитой, как брат, но и разговорчивой её нельзя было назвать. Девочка лишь подтвердила догадку, что они с Гаем двойняшки. Небольшой рост и некая угловатость выдавали в серьёзной и уверенной на вид девочке отроковицу. Я тоже не была расположена к разговорам, поэтому внутренне поблагодарила Лиду за сдержанность.

Тёплая вода, лавандовое мыло, щётка в ловких ручках помогли избавиться и от дорожной пыли, и от усталости. Лишь горечь от потери родных невозможно удалить так просто.

Обтерев меня насухо махровым полотенцем, размером с небольшую лужайку, помощница указала на небрежно брошенный поверх сложенного на стуле платья кошель:

– Видел кто?

Я, натягивая рубаху, неопределённо угукнула. Болтливая служанка точно видела, и хозяин, кажется, тоже.

– А что?

– Худо, – нахмурилась Лида, – в прошлом годе маму с папой ограбили и убили.

Я задохнулась от нахлынувшего густой волной сочувствия:

– Вы сироты? Кто заботится о вас?

Лида зыркнула на меня сердито:

– Я могу позаботиться и о себе, и о брате. Кошелёк напоказ не выставляйте.

Её покровительственный тон умилял. Так выговаривают младшей сестрёнке, но никак не взрослой малознакомой тёте. Лида занялась уборкой в ванной комнате, а я приготовилась ко сну. Кошель спрятала в котомку. Поразмышляв с минуту, достала револьвер и сунула его под подушку. Девочка, завершив дела, пожелала доброй ночи, велела запереть дверь и, громыхнув на прощанье жестяным ведром, ушла.

Спала я урывками. То проваливалась в бездну, то, выныривая, оказывалась в каменной воронке, стремительно закручивавшейся в гипнотический вихрь. Пугающие картины сменялись улыбчивыми лицами родных. Мама и папа старались утешить меня ободряющими взглядами, но едва я устремлялась кому-нибудь навстречу, как видение отступало, и я обнаруживала себя в неосвещённой комнате трактира.

Очередное пробуждение вызвал грохот и последовавший за ним скрежет. Я села в кровати, мигом стряхнув сонливость.

– Кто здесь? – В дверном проёме, тихо переругиваясь, толкались две тени. Как я поняла по их судорожным движениям, непрощенные гости запутались в растянутой у входа верёвке. Это дало мне время. Нашарив пистолет, я взвела курок и сказала хриплым спросонья голосом: – Прочь пошли! Буду стрелять.

Один из мужчин замер, второй резво рванул ко мне:

– Врёшь, паскуда!

Я нажала на спусковой крючок. Выстрел испугал меня едва ли меньше грабителей. Те на секунду застыли, потом оба бросились ко мне. «Промазала», – с облегчением подумала я и

снова взвела курок. Выстрелила бы опять, ведь сердце замерло от страха: что на уме преступников – банально ограбят или придумают похуже? Меня спас звонкий визг и высокий девичий голос:

– Убили! Уби-и-и-или!

Тёмные фигуры попятились и кинулись прочь из комнаты. Я лишь успела разобрать угрозу:

– Ничего, птаха, не уйдёшь! Брательник твой умотал, защитить некому.

Я сидела, держа в трясущихся руках пистолет, и заливалась слезами. Сквозь охвативший меня ужас едва пробивалась мысль: меня с кем-то спутали.

– Госпожа! – Из коридора плыл свет газового фонаря. Я узнала голос Гая.

– Заходи, не бойся.

Чтобы случайно не выстрелить, я вернула пистолет в нейтральное положение.

– С вами всё хорошо? – мальчик перебежал к столу, устроил на нём фонарь и прибавил яркость. Сразу стало будто теплей, страхи исчезли.

Я кивнула.

– Мне слышался голос твоей сестры.

– Лида устроила ловушку у вашего порога, мы караулили по очереди, – ответил Гай быстрым шёпотом и добавил чуть спокойнее: – испугались, что это они стреляли.

Не знаю почему, но подвинувшись и предложив мальчику сесть на край кровати, я спросила:

– О каком ещё брате они говорили?

– О вашем, – паренёк удивлённо вскинул брови, – о том, что снял для вас комнату. Он сказал, что сестра поживёт здесь. Заплатил вперёд.

– Разве он уехал?

– Ещё до заката.

Вчера я мечтала избавиться от общества виконта, но его бегство почему-то огорчило. В надежде отвлечься, попросила Гая рассказать о себе. История двойняшек трогала струны души, отзываясь печальной мелодией.

Год назад их родители, распродав имущество, направились в замок герцога Далеор. Они надеялись найти работу и забыть о злочлечениях, преследовавших на родине. Путники остановились в этом трактире на ночлег. Отец, расплачиваясь с хозяином, неосмотрительно продемонстрировал туго набитый кошелёк. Рано утром тронулись в путь, намереваясь уже следующую ночь провести в замке доброго герцога. Телегу, груженную скарбом, поверх которого восседали дети, тащила бойкая лошадка по имени Зорька. Родители шли пешком. За поворотом дороги путь у рощицы перегородил ствол упавшего граба. Пока отец осматривал препятствие, из-за кустов выскочили бандиты.

Возможно, отдай путники имущество без борьбы, остались бы живы. Но случилось то, что случилось: дети осиротели. Подробностей Гай не помнил, лишь ужас и беспомощность охватывали его при попытке восстановить те события.

– Вижу только, – говорил мальчик, глотая надоедливый ком в горле и поспешно вытирая слёзы, – короб с нашим барахлишком в пыли, мама и папа лежат без движения, Лида мечется между ними, а нашу Зорьку уводят в сторону реки.

Жалость стиснула сердце шершавыми ладонями. Я не сразу заметила, что взяла мальчика за руку и поглаживала её в тщетной попытке утешить.

– Нас подвёз молочник, – продолжил рассказывать Гай. – Он как раз направлялся в трактир после утренней дойки.

– Хозяин приютил тебя и Лиду? – спросила я, проникаясь уважением к этому человеку, но юный собеседник хмыкнул и криво улыбнулся:

– Приютил, как же! В рабстве мы. Целыми днями работаем за кусок хлеба и каморку без окон на двоих. Я бы сбежал, но Лида не хочет.

Он вздрогнул от громкого стука в дверь и замолчал, плотно сомкнув губы. Получив позволение, Лида вошла в комнату и сердито взглянула на брата – слышала последние слова.

– Здравствуйте, госпожа, я принесла ваши вещи.

Она положила вычищенное дорожное платье на кресло в углу. Тут же пристроила кулёчек с выстиранным и выглаженным бельём. По комнате распространился аромат лавандового мыла. Гай вытянул руку из моих пальцев, встал с виноватым видом.

– Иди отсыпайся, пока тебя не хватились, – строго велела ему сестра. Когда мальчик шмыгнул за дверь, она объяснила: – Глаз всю ночь не смыкал.

– Спасибо! – воскликнула я. – Если бы не вы...

– Ограбили, да и всё, – хмуро заявила Лида, – у них договор с хозяином: здесь не убивают. Игнорируя моё изумление, она направилась к выходу.

– Лида! Поможешь одеться?

Девочка вернулась:

– Да, госпожа.

Конечно, я бы справилась и без помощи, но не хотела вот так её отпустить. Покинув постель, я прошлась по комнате и замерла у окна, рассматривая двор. Автомобиля не увидела.

– Виконт уехал? – Я всё ещё надеялась, что Рэймон спрятался в каретном сарае или за углом дома.

– Кто? – недоумённо спросила девочка, занимаясь принадлежностями для умывания.

– Хм. Мой якобы брат.

– А... Да.

В груди у меня неприятно похолодело. Остаться в трактире ещё на одну ночь было страшно, а отправляться в путь одной, даже если нанять экипаж – полным безумием, особенно после угроз грабителей.

Лида, как и в прошлый раз, помогала мне без лишних слов. Я тоже молчала, погружённая в противоречивые думы. Умытая, причёсанная и одетая в дорожное платье, я подошла к подоконнику, где оставляла снятые на ночь серёжки, и увидела въезжавшего во двор виконта. Не сдержала радостный взглас. Лида, уже собравшаяся уходить, метнулась ко мне:

– Что такое, госпожа?

– Он вернулся за мной! – Я едва не расплакалась от счастья.

– Что удивительного? – пожала плечами девочка. – Разве мог он бросить вас здесь?

– Мог, – сказала я, ничуть в этом не сомневаясь. Порывисто обняла Лиду и зашептала ей на ухо: – Поедем со мной, девочка. Ты и Гай станете моей семьёй.

Лида отстранилась, взглянула исподлобья и выбежала из комнаты.

– Собирайтесь и выходите к машине! – крикнула я ей вслед.

Едва я успела сунуть в котомку пистолет и по совету Лиды спрятать кошель, как в комнату заглянула болтливая служанка:

– Госпожа, брат велел выходить.

Вот ведь! «Прожила без брата почти восемнадцать лет, так подарила судьба сразу двоих», – вздохнула я, без сожаления покидая временное пристанище. Женщина услужливо предложила помощь, но я упрямо повесила ношу на плечо и, опираясь на трость с эмблемой дома Боннтов, отправилась на встречу с его представителем. Хозяин трактира перехватил меня у выхода. Он сиял приторной улыбкой:

– Отдохнули бы ещё, леди! Вон, и ножка не совсем окрепла. – Будто не знал хитрец о ночном происшествии! Скосив глаза на мой опустевший пояс, он всё-таки выдал себя, изменившись в лице: – Воры стащили ваши деньги?

Я не ответила, протиснулась мимо и торопливо похромала на крыльцо. Пусть думает, что хочет.

Рэймон руководил тщедушным мужичком и моё приветствие оставил без внимания. Работник закрепил мой сундук ремнями. Затем виконт установил полотняный верх. Я подняла глаза к небу. Пожалуй, он был прав, с перевала ползли свинцовые тучи. Непогода наверняка догонит нас.

– Остолбенела? – глядя на меня искоса, поинтересовался Рэймон. – Садись.

– С нами поедут дети, – сообщила я, передавая ему трость. Занимать кресло не спешила.

– Какие ещё дети? – Рэймон глянул так, что у меня по коже мурашки побежали.

Объяснить не успела, лишь указала на спешивших Лиду и Гая. В руках у мальчика был узел, сестра его бежала налегке.

– Вот! – объявила запыхавшаяся девочка. – Он с вами. Я остаюсь.

Она порывисто обняла брата и отступила на шаг. Гай полез в машину, не замечая метавших молнии глаз водителя. Мы с виконтом заговорили одновременно. Я обратилась к Лиде, не в силах принять её решение. Сама я всё бы сделала, чтобы хоть одна из сестрёнок оказалась сейчас рядом, а эта чудачка по своей воле расстаётся с единственным родным человеком. Рэймон кричал на мальчика, требуя, чтобы тот выметался из автомобиля. Гай втиснулся между сундуком и бортом, вцепился в узел, словно тот защищал от крепких выражений. Виконт не стеснялся, давая определения и мне, и детям. На его взгляд, решение опекать сирот было глупейшим из возможных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.